

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 711.4:316.728(571.1)
doi: 10.17223/2312461X/49/11

Арктический город между проектом и повседневностью: эпистемология комфорта

Ольга Валерьевна Устюжанцева¹
Софья Михайловна Прокопова²
Светлана Геннадьевна Кравчук³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

^{2, 3} *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
¹ olgavust@gmail.com*

Аннотация. Представлен анализ арктического города как пространства эпистемологического расслоения между проектными и повседневными формами знания. Эмпирическую основу исследования составляют полуструктурированные интервью с архитекторами, интервью с жителями, мобильные (drive-along) и неформальные интервью, фокус-группа, а также полевые наблюдения, проведенные в городах Новый Уренгой и Тарко-Сале. В центре внимания – представления о комфорте, городской нормальности и обитаемости в условиях экстремального климата, демографической нестабильности и ограниченной инфраструктуры. Показано, что архитектурное знание в арктическом контексте подчинено нормативной визуальности и институциональной отчетности, тогда как повседневные нарративы фокусируются на телесной уязвимости, заботе и ситуативной адаптации. Работа предлагает рассматривать такие противоречия не как сбой реализации, а как продуктивные поля сонастройки, позволяющие аналитически осмыслить город как множественную социально-техническую сборку. Методологически исследование сочетает нарративный анализ с элементами ситуативной этнографии и вносит вклад в развитие городской антропологии, критических исследований инфраструктур и социальной истории повседневности в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, городской комфорт, архитектурное знание, повседневность, телесность, инфраструктура, городской опыт, этнография Севера, городской проект, ситуативное знание

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-01426.

Для цитирования: Устюжанцева О.В., Прокопова С.М., Кравчук С.Г. Арктический город между проектом и повседневностью: эпистемология комфорта // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 226–248. doi: 10.17223/2312461X/49/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/49/11

The Arctic City Between Design and Daily Life: An Epistemology of Comfort

Olga V. Ustyuzhantseva¹, Sofia M. Prokopova²,
Svetlana G. Kravchuk³

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{2,3} Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

¹olgavust@gmail.com

Abstract. This article examines the Arctic city as a space of epistemological divergence between design-based and everyday forms of knowledge. The empirical basis of the study includes semi-structured interviews with architects and residents, mobile (drive-along) and informal interviews, a focus group, and field observations conducted in the cities of Novy Urengoy and Tarko-Sale. The article explores how notions of comfort, urban normality, and inhabitability are constructed under conditions of extreme climate, demographic instability, and infrastructural limitations. It demonstrates that architectural knowledge in the Arctic context is governed by normative visibility and institutional accountability, whereas everyday narratives focus on bodily vulnerability, care, and situational adaptation. Rather than interpreting these contradictions as failures of implementation, the study proposes to view them as productive fields of attunement that analytically reveal the city as a plural and contested socio-technical assemblage. Methodologically, the research combines narrative analysis with elements of situated ethnography and contributes to urban anthropology, critical infrastructure studies, and the social history of everyday life in the Arctic.

Keywords: Arctic, urban comfort, architectural knowledge, everyday life, embodiment, infrastructure, urban experience, ethnography of the North, urban design, situated knowledge

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01426.

For citation: Ustyuzhantseva, O.V., Prokopova, S.M. & Kravchuk, S.G. (2025) The Arctic City Between Design and Daily Life: An Epistemology of Comfort. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 226–248 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/11

Арктические города становятся объектом множества исследовательских и политических интересов: от стратегических инфраструктурных программ и климатических адаптаций до демографических интервенций и пространственного дизайна (Стратегия развития... 2020; Мастер-план Мурманска 2023; Паспорт приоритетного... 2016). В последние годы управленческая риторика смещается в сторону повышения качества жизни в северных территориях, представляя городское пространство как управляемый проект, подлежащий технической модернизации, благо-

устройству и визуальному упорядочиванию. Однако в фокусе этих представлений о городе как объекте улучшения часто теряется другое измерение – город как повседневный опыт, обитаемое и обжитое пространство, воспринимаемое через телесные усилия, эмоциональную и инфраструктурную уязвимость, ситуативную сонастройку.

В настоящем исследовании мы предлагаем рассматривать это напряжение не как временную или техническую проблему реализации, а как устойчивое эпистемологическое расхождение между двумя режимами знания о городе: проектным и эмпирическим. Мы исходим из того, что городская среда в Арктике – это не только результат институционального или инженерного вмешательства, но и арена, где сталкиваются, сосуществуют и конфликтуют разные формы представления о том, что делает город обитаемым. В этой статье мы анализируем, как архитекторы и жители арктических городов артикулируют свои представления о комфорте, устойчивости и нормальности в условиях экстремального климата, демографической нестабильности и ограниченной инфраструктурной доступности.

Наше внимание сосредоточено на Российской Арктике как высокоурбанизированном пространстве (Волков, Симакова 2022), в котором особенно отчетливо проявляются противоречия между визуально-материальной логикой проектирования и ситуативной логикой проживания. Мы рассматриваем Арктику не как исключение из урбанистического порядка, а как экстремальный случай, позволяющий выявить и заострить фундаментальные вопросы современной городской теории о соотношении норматива и повседневности, стандарта и телесности, визуального контроля и тактик выживания.

Эмпирической базой послужил корпус интервью, собранный в 2023–2024 гг. в двух городах Ямало-Ненецкого автономного округа – Новый Уренгой и Тарко-Сале. В него входят беседы с архитекторами и проектировщиками, создающими проектные решения для городской среды на Севере, а также с жителями, преимущественно женщинами, проживающими в этих городах на постоянной основе. В интервью с архитекторами фиксируются концептуальные и нормативные рамки проектного мышления: представления о комфорте, северности, визуальной идентичности, нормативной адаптации. Интервью с жителями, напротив, раскрывают повседневный опыт: маршруты, уязвимости, сезонные ритмы, физические и эмоциональные реакции и риски, тактики обхода и приспособления. Вместе они позволяют реконструировать поле смыслов, в котором обитаемость города становится результатом не согласованного планирования, а конфигурации усилий, несоответствий и спонтанных сонастроек, своеобразных компромиссов между проектными замыслами и реальными практиками.

Теоретически мы опираемся на литературу по городской антропологии, архитектурной социологии и критическим исследованиям инфраструктуры. Нас интересуют, с одной стороны, исследования архитектуры как формы знания и коллективного действия (Yaneva 2009; Cuff 1992; Третьякова 2024), с другой – работы о повседневной «урбанности», телесности и городских тактиках (de Certeau 1984; Simone 2004; Farías, Bender 2010), а также концептуализации постсоветской инфраструктурной власти и режимов комфорта (Gunko et al. 2022; Jasanoff 2005; Scott 1998). Под режимом комфорта мы понимаем институционализированный способ представления, производства и регулирования городской среды как комфортной (Collier, Ong 2005). Это включает стандартизированные визуальные и пространственные решения (например, благоустройство, освещение, плитка), управляемые индикаторы (такие как индекс качества городской среды), а также административные процедуры отчетности в рамках нацпроектов. Такой режим формирует визуально считываемое представление о комфортности, однако он зачастую не учитывает ситуативную уязвимость, телесный опыт и неформальные практики проживания, вытесняя их за пределы планирования и публичного обсуждения.

В методологическом плане мы сочетаем нарративный анализ и ситуативную этнографию, рассматривая интервью как формы артикуляции знания, производящие не только информацию, но и отношения между пространством, телом, нормой и повседневной практикой.

Мы предлагаем понимать арктический город не как зафиксированный ландшафт, воплощенный в архитектурной форме или демографической статистике, а как поле множественной и подвижной городской субъектности. Профессиональные и повседневные нарративы, встроенные в разные режимы легитимации и публичности, не просто описывают город, они производят его как противоречивую и незавершенную форму. Арктика оказывается не краем карты, а краем урбанистического воображения, пространством, где обнажаются границы применимости проектных норм и эпистемологические разрывы между замыслом и жизнью.

Город как проект: архитектурное знание и его эпистемологические рамки

Архитектура – это не только практика создания форм, но и способ производства знания о городе. В ней сочетаются дисциплинарные традиции, инженерные регламенты, визуальные риторики и политико-институциональные интересы. Архитектура организует пространство материально, но также предлагает определенный способ видеть, понимать и контролировать город, структурируя, какие формы городской жизни

становятся возможными, какие – желательными, а какие – исключаются как несоразмерные.

Следуя логике Фуко (1996), архитектурное знание можно описать как диспозитив – совокупность техник, норм, представлений и институтов, которые формируют и управляют городской средой. Через архитектурный проект проявляется определенная эпистема – режим того, что считается знанием о городе и о человеке в нем. В этой эпистеме комфорт превращается из опыта в показатель, из телесного состояния – в визуально представимый и регламентируемый результат. Как подчеркивает Шейла Ясановф (Jasanoff 2005), речь идет не только о технологиях, но о социотехнических воображениях, в которых проектное решение закрепляет представление о том, как должен выглядеть «хороший город» и кто в нем должен жить.

Современная архитектурная практика функционирует в режиме презентации и отчетности. Она призвана быть убедительной для заказчика, для органов согласования, для публичной презентации. Как показано в работах Даны Кафф (Cuff 1992) и Албены Яневой (Yaneva 2009), архитектурное знание – это знание не только о форме, но и о согласуемости, финансируемости, транслируемости. В ситуации с арктическими городами этот эффект усиливается. Архитектура становится каналом трансляции административной воли и нормативной визуальности в условиях, где сама идея городской жизни постоянно ставится под вопрос.

В контексте Российской Арктики архитектура оказывается частью крупного политико-градостроительного режима, где комфортность становится проектом национального масштаба. Как отмечают Гунько и соавторы (Gunko et al. 2022), «комфортная среда» превращается в инструмент централизованной политики, где города воспринимаются как площадки воспроизводства визуальных стандартов. Архитектурное знание здесь подчиняется логике масштабируемости: оно должно быть универсализируемым, повторяемым, нейтральным в отношении контекста, но «убедительно северным» в визуальном ключе.

Важно подчеркнуть, речь не идет о противопоставлении «плохой» архитектуры «хорошему» опыту. Архитектурное знание продуктивно. Оно создает формы, которыми можно пользоваться, производит символы, которые могут быть присвоены. Но при этом оно структурно ограничено. Оно формируется в логике видимого и управляемого: то, что не укладывается в форматы презентации, то, что не поддается нормированию, – телесное, сезонное, случайное – оказывается вытесненным. Как писал Джеймс Скотт, «читаемость» пространства – необходимое условие управляемости (Scott 1998). Архитектура делает пространство читаемым и тем самым упорядочивает то, что этому упорядочиванию сопротивляется.

Север, как особый территориальный и климатический режим, предъявляет к этому знанию дополнительные требования. Он одновременно требует инженерной изобретательности и обостряет зависимость от нормативных решений. В результате архитектурная работа в Арктике становится еще более подотчетной, более репрезентативной, более зависимой от централизованных формализаций. При этом сама архитектура, как показывает Третьякова (2024), испытывает дефицит рефлексии по отношению к тому, как она взаимодействует с телесностью, инфраструктурной уязвимостью, повседневным страхом и ситуативной заботой. Эти формы знания чаще всего остаются вне поля проектной рациональности, и не потому, что они второстепенны, а потому, что они неуправляемы.

Таким образом, архитектурное знание в арктическом контексте можно рассматривать как режим эпистемологической нормализации. Оно задает формы городской жизни, которые кажутся допустимыми, воспроизводимыми, управляемыми. Оно создает город как проект – понятный, стандартизируемый, а потому подотчетный. Но именно в этой подотчетности оно может утратить чувствительность к тому, как город проживается. В следующем разделе мы обратимся к другой логике – повседневной, телесной, неупорядоченной, чтобы показать, как обитаемость возникает там, где проект исчерпывает себя.

Город как обживаемое пространство – повседневность, телесность и ситуативное знание

Если архитектура мыслит город как управляемую форму, то повседневность возвращает его в регистр проживания с его непредсказуемостью, телесными усилиями и ситуативной изобретательностью. Здесь город не проектируется, а складывается из маршрутов, из обходов, заботы, попыток справиться с усталостью, погодой. Пространство в этой логике не задается извне, а собирается по ходу, в движении, в теле, в адаптации.

Лефевр противопоставлял концептуализированное пространство проживаемому, показывая, как телесные ритмы, инфраструктурные повторения и сезонная цикличность формируют специфический городской опыт (Lefebvre 2004). Мишель де Серто, в свою очередь, рассматривал хождение по городу как тактику, форму выживания в среде, не рассчитанной на твое присутствие (de Certeau 1984). Эти практики не фиксируются в генеральных и мастер-планах, но именно они обеспечивают возможность быть в городе.

Позднейшие авторы развили это направление, сместив фокус с городских форм на инфраструктурную неустойчивость. Абдумалик Симон вводит представление о «людях как инфраструктуре», когда обитаемость обеспечивается не системами, а связями, практиками, координацией (Simone 2004). Игнасио Фариас и другие исследователи городской

неоднородности утверждают, что городской комфорт – это не состояние, а постоянная работа по стабилизации (Farías et al. 2010). В условиях, где инфраструктура неполна, а климат агрессивен, город не столько «есть», сколько «удерживается».

Это знание не универсально, оно телесное, ситуативное, аффективное. Донна Харауэй описывает его как «расположенное знание», т.е. знание, укорененное в конкретной позиции, уязвимости и опыте. Оно не претендует на нейтральность или всевидящую объективность, напротив, его сила в том, что оно исходит из тела, из места, из условий жизни (Haraway 1988). То, что в одном контексте выглядит как функциональное пространство, в другом может оказаться непроходимым, опасным, травматичным. Гендер, возраст, физическое состояние, климатическая чувствительность влияют на то, как пространство переживается.

Арктический город усиливает эту множественность. Здесь телесность выходит на первый план: холод, скольжение, темнота, ветер, нехватка дневного света – все это задает ритмы, ограничивает траектории, обостряет зависимость от инфраструктуры и от других людей. Привычные категории «уют», «удобство», «безопасность» наполняются другим содержанием. Здесь не работают универсальные шаблоны комфорта, их приходится пересобирать из практик, движений, взаимодействий.

Комфорт в арктическом контексте – это не набор объектов, а ощущение предсказуемости. Возможность выйти и вернуться, не замерзнуть на остановке, быть замеченным, не провалиться в сугроб, иметь возможность обойти темный участок. Это знание не формализуется в чертежах, но оно структурирует повседневную жизнь и определяет, где начинается и заканчивается город. Комфорт – это социальная сборка, а не физическая данность.

С этой позиции повседневность представляет собой альтернативный способ организации городской среды, а не «сухой остаток» после реализации проекта. Она не столько потребляет город, сколько пересобирает его изнутри, через ритмы, маршруты и тактики. Это знание не утверждается через форму, а проживается как непрерывная способность совладать с городской средой. И именно в этих формах и способах совладания возникает то, что можно назвать обитаемостью.

Такой подход требует сдвига исследовательской оптики от того, как город «должен быть устроен», к тому, как он «удерживается» в повседневной практике, от проектной рациональности к уязвимой телесности. Именно эту оптику мы предлагаем применить к анализу арктических городов, рассматривая в следующем разделе, как соотносятся архитектурные представления о городской среде с тем, как она обживается людьми изо дня в день.

Арктика как предельная сцена урбанистической драмы

Арктика в исследовательской и политической оптике часто рассматривается как пространство климатической, демографической, политико-стратегической исключительности. Однако ее продуктивнее понимать не как исключение, а как экстремум, предельное выражение тех процессов, которые характерны и для других городов, но становятся здесь особенно видимыми, обостренными, почти оголенными. В этом смысле арктический город – не только климатическая форма, но и аналитическое устройство, позволяющее рассмотреть, как работают инфраструктура, знание, власть и повседневность в условиях высокой плотности ограничений.

Советское и постсоветское освоение Севера оформило Арктику как территорию военной, индустриальной, демографической мобилизации. Город здесь с самого начала существовал как инструмент: опора на ресурсы, точка присутствия, узел воспроизводства трудовых тел. В постсоветское время эта логика не исчезла, а приобрела новые очертания. Арктический город оказался встроенным в технополитический проект, в котором идеи комфорта и устойчивости начинают играть роль не просто характеристик, а индикаторов управляемости и показателей политической дееспособности. Как показывают Гунько и соавторы (Gunko et al. 2022), программы благоустройства в арктических городах разворачиваются не как реакция на эмпирический запрос, а как инструмент вертикального вмешательства, воспроизводящий унифицированные образы «комфортной среды» на фоне депопуляции и деградации инфраструктуры.

Север в этом контексте работает как сцена, на которой урбанизм лишается иллюзий. Здесь особенно явно проявляется напряжение между визуально-административной рациональностью и реальными условиями существования. В отличие от городов средней полосы, где инфраструктура может компенсировать неблагоприятные факторы, в Арктике отказ от такой компенсации сразу становится критическим. Исследователи (Kruse et al. 2008) подчеркивают, что в условиях Севера «качество жизни» воспринимается как сумма микропрактик выживания, где психологическая устойчивость, гендерные роли и социальная изоляция оказываются ключевыми параметрами городской среды.

Фигура адаптации, столь часто упоминаемая в проектной риторике, здесь превращается в постоянное требование к телу: адаптироваться к холоду, к отсутствию света, к логистике, к нехватке сервиса. В этом смысле комфорт становится не описанием состояния, а идеологемой, представлением о том, как должно быть, и одновременно тем, что структурно недостижимо. Болотова (Bolotova 2014) обращает внимание на противоречивость: с одной стороны, оно воспроизводит колониальную

логику «освоения», с другой – сопровождается риторикой героизма, требующей мобилизации и жертвенности от жителей.

При этом в последних исследованиях появляется важный сдвиг от рассмотрения Арктики как объекта политики к пониманию ее как социально обитаемого пространства. Кристиан Фрёлих (Fröhlich 2020), анализируя городские инициативы в постсоветской Москве, указывает, что пространство проживания превращается в политическую арену именно тогда, когда привычные формы участия блокированы. Для арктического города, находящегося в еще более жесткой системе вертикального управления, это означает, что повседневные тактики и формы взаимопомощи становятся не только социальными, но и политически значимыми. Здесь возникает новая фигура гражданства – не через участие в процедурах, а через участие в жизнеобеспечении.

Таким образом, Арктика – это не только экстремальная климатическая зона, но и аналитически насыщенное пространство, в котором разрыв между проектом и проживанием достигает высокой степени напряженности. Она предъявляет к архитектуре, инфраструктуре и социальным отношениям требования, которые невозможно удовлетворить в рамках нормативных решений. И именно потому Арктика становится критически важной для анализа того, как проектные и повседневные логики городской жизни сосуществуют, конфликтуют и иногда пересобираются в условиях системной несоразмерности.

Методология и корпус данных

Исследование опирается на корпус полуструктурированных интервью, drive-along¹ интервью, неформального общения и одной фокус-группы, собранных в 2024 г. в двух городах Ямало-Ненецкого автономного округа – Новый Уренгой и Тарко-Сале, относящихся к числу арктических городов России. Мы не стремились к репрезентативности, а собирали нарративы, в которых артикулируются формы знания, обращения с городом, представления о комфорте и будущем.

Интервью с архитекторами проводились в дистанционной форме и касались вопросов профессионального позиционирования, нормативной среды, работы с понятиями «северность» и «комфорт», а также противоречий между проектной логикой и восприятием городской среды. Эти интервью рассматривались нами как формы профессионального знания, в которых репродуцируются определенные эпистемы: визуальность, модульность, масштабируемость, управляемость.

Интервью с жителями охватывали широкий спектр тем: от бытовых маршрутов, эмоционального отношения к городу, социальных практик помощи до стратегий адаптации к климату, изоляции, износу инфра-

структуры. В отличие от экспертных интервью, они содержали множество фрагментов ситуативного знания о страхе, о теле, о времени, об ожидании и утомлении. Мы обращались к ним как к материалу, в котором проявляются телесные и аффективные логики проживания, структурно игнорируемые в проектной документации.

Методологически мы совмещали нарративный анализ, в духе «интерпретативного урбанизма»², с элементами этнографической интерпретации, акцентируя внимание не на содержательной «истинности» высказываний, а на тех режимах знания, которые в них артикулируются. Повторяющиеся фигуры речи, эпизоды, образы – все это рассматривалось как проявления определенных городских логик: нормативной, аффективной, уязвимой, ситуативной. При кодировании использовались как индуктивные (тематические) категории, так и априорно заданные оси анализа, а именно комфорт, адаптация, проект, контроль, телесность, сезонность.

Исследовательская позиция в этом проекте была пограничной. С одной стороны, мы обладаем профессиональным языком и контекстом архитектурной и инфраструктурной экспертизы, с другой – сознательно стремились к деконструкции тех форм знания, которые кажутся нейтральными, но в реальности исключают значимые формы городского опыта. Этот двойной фокус – между дисциплинарным и повседневным – и определил логику анализа.

Арктический город, в нашем понимании, не дает возможности спрятаться за аналитической дистанцией. Он требует внимательности к боли, к усталости, к неловкости, к неустойчивости. И именно поэтому мы рассматривали интервью не как источник фактов, а как высказывания, через которые горожане и профессионалы конструируют свои отношения с городом. Эти высказывания не всегда согласуются, но именно в их несопадении и возникает предмет нашего анализа.

Архитекторы: проектный комфорт и визуальная логика северного города

Рассуждая о комфорте и городской среде в условиях Арктики, архитекторы, с которыми мы беседовали, почти не прибегают к описанию повседневных практик. Вместо этого их высказывания оформлены в логике модульных решений, визуальной риторики и технической совместимости. Север в этих нарративах чаще всего предстает не как среда, которую нужно проживать, а как вызов, который нужно решить с помощью формы, материала, визуального кода. Проектная задача формулируется как необходимость упорядочить, защитить, визуализировать и убедить.

Так, один из архитекторов описывает свою цель как создание системы, «где человек не почувствует холода и пустоты» (ПМА: А6m).

Комфорт здесь определяется не через телесный опыт, а как инженерно-визуальный эффект: отсутствие раздражающих факторов, наличие света, защита от ветра. Другой проектировщик говорит: «Север – это прежде всего про ветер и свет. Мы закладываем защиту от ветра и делаем яркую среду. Цвет как противовес от тьмы» (ПМА: A1m). В этих высказываниях архитектура выступает как система компенсаций, а не взаимодействий. Среда должна не сопровождать, а нейтрализовать.

Почти все участники упоминают цвет как важнейший инструмент архитектурной выразительности. «Цвет работает сильнее материала. Мы добиваемся теплого восприятия», – говорит архитектор, участвовавший в благоустройстве нескольких северных городов (ПМА: A4m). Комфорт в этих нарративах мыслится как визуальная мягкость, как атмосфера. Присутствует желание «не перегружать», «не делать лишнего», но при этом добиться визуальной идентичности, которая будет легко считываться. Северность в этом смысле редуцируется до визуального кода: контраста, вертикалей, природных мотивов. Один из архитекторов говорит: «Северность – это не про климат, это про атмосферу. Холодно может быть и в Москве» (ПМА: A2m).

В языке архитекторов почти отсутствует категория телесного. Горожанин появляется как зритель, пользователь, иногда как потенциальный критик, но не как уязвимое тело в пространстве. Пешеходность, связность, зонирование – это абстрактные траектории, а не проживаемые маршруты. Даже когда упоминается «комфорт в зимний период», речь идет о регламентах и расчетах, а не о страхе, боли или усталости. Архитектор проектирует не повседневность, а образ, и этот образ должен быть узнаваем, воспроизводим и согласуем.

Дополнительное измерение, которое проявляется в корпусе интервью, связано с гендерными различиями в архитектурной оптике. Женщины, участвующие в проектировании арктических территорий, и их высказывания отличаются по ритму, лексике и распределению ответственности. В их нарративах чаще появляется язык «ощущений», «впечатлений», «исследования места». «Самое увлекательное – знакомство с новым городом, с чего начинается проект. Открываешь новую сущность» – говорит женщина-архитектор, описывая свою работу как форму эмпирического и эмоционального сбора информации (Малышев 2024). В отличие от жесткой инженерной логики, женские высказывания чаще оформлены в логике контактности: с территорией, с историей, с восприятием заказчика.

Женщины-архитекторы, согласно интервью и работам Третьяковой (2024) и Малышева (2024), нередко позиционируют себя как проводницы между идеей и атмосферой, между запросом и пространством. Они подчеркивают важность того, чтобы «не только убедить заказчика, но и

самой почувствовать, что это работает» (Малышев 2024). Внутри крафтового бюро женщины участвуют в проектировании как в процессе коллективной интуиции, где ценятся чуткость, гибкость, умение договариваться и удерживать открытость замысла до последних стадий проекта (Третьякова 2024). Это контрастирует с «визуальным минимализмом» и «плотной композицией», стилем, характерным для части интервьюированных нами мужчин-респондентов.

При этом архитектурная профессия в российском контексте по-прежнему структурирована как иерархичная и слабо чувствительная к телесным и аффективным формам знания. Женские стратегии, основанные на внимании к деталям повседневности, атмосферности и диалогу, оказываются маргинализированными в системе, ориентированной на регламент и визуальную отчетность. Один из респондентов признает: «Сделать красиво и просто – это не значит, что это будет работать. А мы часто делаем так, чтобы только хорошо выглядело» (ПМА: А7m).

Таким образом, гендерный фактор структурирует не только восприятие архитектурной профессии, но и способы конструирования городской среды. Женщины-архитекторы привносят в проектный процесс языки, приближенные к повседневной логике жителей, – языки впечатления, движения, интуиции, уязвимости. Это не означает их «естественную» близость к повседневности, но указывает на различия в профессиональных позициях и возможные точки сближения между архитектурной и обжитой логикой.

В то же время внутри всех интервью, и мужских, и женских, начинают просвечивать сомнения и напряжения, указывающие на границы проектной эпистемы. Архитекторы рефлексиируют, что их работа не всегда понята, что визуальные образы не трансформируются в пользование, что решения, принятые ради визуального порядка, не обязательно создают жизненность. Один из них говорит: «Бывает, делаешь хорошо, а потом приходят и говорят – не пользуются. Это обидно, но мы не можем контролировать использование» (ПМА: А4m). Другой признает: «Мы не можем сесть и объяснить каждое решение. Оно должно быть ясно из картинки. Если не понятно – значит, плохая визуализация» (ПМА: А8m). Эти высказывания открывают важный сдвиг: архитектор оказывается не в позиции контролирующего, а в положении медиатора, действующего в условиях высокой нормативной и визуальной обусловленности, но с осознанием ее ограничений.

Это соответствует пониманию архитектора как ограниченного актора: не как того, кто распоряжается пространством, а как фигуры, встроенной в сложную политическую, технологическую, риторическую сборку (Yaneva 2009). Шон (Schön 1983) описывал это как рефлексию в действии: необходимость принимать решения в условиях неопределенности, импровизировать в ситуации, где исход заранее неясен.

Именно эти фрустрации, когда проектная логика дает сбой, и становятся точками, где проектное знание сталкивается с реальностью проживания.

В этих высказываниях слышно не только раздражение, но и усталость от роли репрезентатора. Архитектор вынужден производить язык, в который он сам не до конца верит. Это хорошо согласуется с анализом архитектурной практики у Малышева, где идентичность и северность оформляются как риторические конструкции, нужные для легитимации проекта в системе заказов, но не обязательно укорененные в реальном пространстве. Здесь уместно вспомнить концепт глобальных сборок у Коллер и Онг (Collier, Ong 2005), в которых локальное пространство оформляется как сцена для воплощения универсальных схем – стандарта, управления, отчетности.

Таким образом, архитектор в арктическом городе – это не просто носитель визуальной логики, а фигура, зажата между идеей и эксплуатацией, а также между воображением и рутинной. Это не снимает конфликта с логикой повседневности, но делает его сложнее: в проекте есть власть, но присутствует и ограниченность; есть рациональность, но также и неуверенность. И именно это делает столкновение с повседневной логикой не просто конфликтом, но возможностью, пусть и не всегда реализуемой, сонастройки.

Жители: телесность, маршруты, забота и непредсказуемость

Если в профессиональных нарративах комфорт чаще всего артикулируется как управляемый эффект среды, то в рассказах жителей он возникает как результат непрерывного телесного и эмоционального труда. Город здесь не проектируется и не оценивается по визуальному коду, он удерживается через усилия: проснуться, выйти, довести ребенка, не упасть, не замерзнуть, не быть одной. Это не комфорт в инженерном смысле, а возможность выстраивать жизнь в условиях неустойчивости и непредсказуемости.

Во многих интервью звучит идея, что обживаемость – это не архитектура, а повторяемость и узнаваемость маршрута. «Мне не нужно, чтобы красиво было. Мне нужно, чтобы можно было пройти и чтобы это не менялось каждые два года. Я привыкла. Я знаю, где скользко» (ПМА: С1f). Привычка здесь – это механизм ориентирования в среде, которая не всегда дружелюбна. Безопасность реализуется не за счет формы, а за счет предсказуемости и телесной памяти.

Тема темноты и страха звучит во многих высказываниях. Женщины говорят о том, как «с наступлением ноября все становится закрытым», «страшно идти одной», «только фонарь и звук шагов». Комфорт в этих высказываниях не равен свету, как в архитектурной риторике, он связан с чувством контроля над ситуацией, возможностью увидеть другого,

быть замеченной, не оказаться в одиночестве. Свет не декоративен, а функционален, и его отсутствие – это угроза телесной безопасности.

Во многих рассказах звучит критика благоустройства как имитации. «Они все сделали красиво, но теперь мы зимой падаем. Лучше бы не трогали» (ПМА: С3f). Здесь красота оказывается несоразмерной с телесным знанием: тело «знает», где можно идти, а проект нет. Плитка, бордюр, фонарь – это не нейтральные элементы, а источники риска, если они не встроены в телесную практику.

Часто встречаются описания ухода за другими как основной инфраструктурной практики. «Если бы не соседка, я бы не знала, что у нас воду отключат» (ПМА: С8f). Водоснабжение, тепло, информация – все это собирается в городе не из систем, а из связей. Комфорт в этом смысле – не просто ощущение, а возможность положиться на маршрут, на человека, на ритуал.

Гендерный аспект проявляется особенно остро. Почти во всех женских интервью звучит тема «нести ответственность за других», «защищать детей от города», «не отпускать одну». Мужские интервью чаще оформлены в логике контроля и изоляции: «Я сам, мне ничего не надо, я с машины до дома» (ПМА: С9m). Женщины живут в городе телесно – с телами детей, с телом матери, с телом подруги, которую ждут. Мужчины чаще описывают функциональную автономию, женщины – связанную зависимость.

В этих нарративах обитаемость часто определяется не через собственное тело, а через тело другого – ребенка, старика, животного. Эти фигуры становятся своего рода индикаторами городской пригодности. Женщина говорит: «С собакой только на пустырь хожу, потому что там не поскользнешься» (ПМА: С4f). Другая: «Мама сломала руку, с тех пор боюсь ее отпускать одну» (ПМА: С6f). Еще одна: «Я все время думаю, если что, ребенка как нести?» (ПМА: С2f). Здесь город описывается через заботу, через уязвимость, но не частную, а социальную: хорошее пространство то, где можно быть в ответе за другого.

Эти вторичные тела (дети, пожилые, животные) становятся точками проверки городской среды. Через них обнаруживается, где небезопасно, где нельзя остановиться, где слишком темно. Это важная часть повседневной телесной логики: комфорт не для меня, а для того, за кого я отвечаю. Таким образом, забота и уязвимость оказываются и моральными категориями, и аналитическими рамками описания городской среды.

Но даже в этих обрывках фраз, жалобах и усталости город появляется как пространство привязанности. «Я ненавижу эту зиму, но я знаю, как в ней жить» (ПМА: С7f). Или: «Я не люблю этот город, но тут я знаю каждый шаг» (ПМА: С8f). Здесь комфорт формулируется не как удовольствие, а как умение быть. Именно это делает город возможным.

Таким образом, в нарративах жителей арктический город предстает как телесно и эмоционально напряженная среда, где обитаемость не следствие проекта, а результат повседневных тактик: памяти, заботы, взаимности, маршрутов. Эти формы знания не укладываются в проектные документы, но они и есть город – в том виде, в каком он существует для своих обитателей.

В следующем разделе мы рассмотрим, как эти две логики, проектная и повседневная, соотносятся, конфликтуют и (в редких случаях) находят точки сонастройки.

Языки комфорта: лексические режимы и речевые жанры

Различие между архитектурной и повседневной логикой городской среды проявляется в концептах, но также и в языках, на которых говорят о городе. В интервью с архитекторами преобладают термины инженерного происхождения, категории визуального и композиционного восприятия: «атмосфера», «световое решение», «визуальный код», «пешеходная связанность», «считываемость», «контраст». Эти слова оформляют комфорт как абстрактно представимое и визуально управляемое качество. Архитектурный язык работает через синтаксис универсального: «должно быть», «мы закладываем», «нужно добиться».

В нарративах жителей, напротив, комфорт описывается через ситуации, тела, страхи и маршруты. Вместо формальных обобщений, фразы вроде «чтобы пройти и не упасть», «я знаю, где скользко», «главное, чтобы освещение было нормальное, а не для красоты». Здесь доминирует язык тактический, телесно-ситуативный, основанный на опыте и памяти. Он не абстрактен, а нарративен: высказывание строится как рассказ, как момент и переживание. Комфорт – это не визуальное качество, а результат возможности пройти, быть замеченной, не бояться.

Это несоответствие можно интерпретировать через оптику речевых жанров и регистров знания. Как показывает Оксана Мороз в своих работах по городской политике, профессиональный язык благоустройства – это язык видимости и отчетности (Мороз 2019). Он задает структуру допустимого говорения: о городе можно говорить в терминах решений, функций, целей. В то время как повседневная речь – это не жанр управления, а жанр проживания. Она не предполагает универсальности, но претендует на истинность через телесность и повтор.

Таким образом, в корпусе интервью можно выделить как минимум четыре языка комфорта:

- Инженерный (нормативно-описательный) – освещенность, защита от ветра, связанность маршрутов.
- Визуальный (эстетический и символический) – атмосфера, цвет, контраст, читаемость.

- Телесный (телоцентричный) – не упасть, не мерзнуть, не волноваться за ребенка.

- Ситуативный (тактический и нарративный) – пройти быстро, ждать у подъезда, выйти и вернуться.

Эти языки отражают разные режимы городской субъектности: архитектор говорит от лица проекта, житель от лица маршрута. Анализ этих различий не сводится к выявлению когнитивного барьера, скорее, он указывает на эпистемологическое расслоение, в котором разные формы знания о городе сосуществуют, но не встречаются. Чтобы слышать друг друга, нужно не переводить, а переосмыслить, что такое комфорт, кому он принадлежит, и через какой язык он может быть выражен.

Между проектом и телом: точки расхождения и сонастройки

Разделение между архитектурной логикой и повседневным проживанием в арктическом городе – не просто различие фокусов, а фундаментальное несоответствие режимов знания. Архитекторы работают с пространством как с управляемой, визуализируемой системой, в которой комфорт – это предсказуемый результат проектных решений. Жители же формируют свою обитаемость в логике ситуативной телесности, где комфорт – это не зафиксированное свойство среды, а достижение, за которое нужно бороться ежедневно. Эти два режима не сводимы друг к другу, но именно в их несовпадении возникает пространство города как поля напряженной сонастройки.

Первое и наиболее очевидное расхождение – в способах артикуляции комфорта. В архитектурных высказываниях он описывается через форму: свет, цвет, композиция, организация движения. В нарративах жителей – через предсказуемость, защищенность, повтор (высказывание архитектора «цвет работает сильнее материала» и жительницы «Я знаю, где скользко»). В первом случае речь идет о визуальной реакции, во втором о тактильной памяти. Здесь становится видна разница между архитектурным «восприятием» и телесным «знанием».

Второе расхождение – в отношениях с инфраструктурой. Для архитектора инфраструктура – это условие функционирования, элемент системы. Для жителя – это источник уязвимости, зона беспокойства и контроля. Плитка, освещение, фасад в проекте – это маркеры благоустройства. В жизни это то, где можно упасть, замерзнуть, не быть замеченной. Здесь эстетическая логика вступает в прямое противоречие с телесной.

Третья линия расхождения – в темпоральности. Архитектура работает с горизонтом завершения: сдача проекта, реализация концепции. Повседневность – с горизонтом удержания: выйти, вернуться, дожить до весны. Один проект – это два года жизни; один маршрут – это десятки повторений. Архитектура мыслит город как форму, повседневность –

как процесс. В этом и кроется причина фрустрации обеих сторон: проект «не понимает», почему город не «используют», жители – почему город «не работает».

Однако между этими логиками возникают не только расхождения, но и формы неявной сонастройки. Архитекторы начинают говорить о «функциональной рутине», «неявном использовании», «второй жизни пространства». Жители – о «любимых местах», «местах, где тепло». Это не всегда совпадает, но это и не абсолютный разрыв. Город удерживается не за счет взаимопонимания, а за счет *перекрестного привыкания*. Архитектор не узнает, как именно используют пространство, но проект иногда попадает в траектории повседневного движения. Житель не знает, что имел в виду автор, но может освоить и подстроить пространственную форму под себя.

Эти редкие совпадения важны не как примеры «успешного» проектирования, а как моменты городской сонастройки, в которой разные эпистемы ненадолго пересекаются. Иногда проект учитывает микротраектории, иногда житель приспособливает маршрут к форме, иногда тень от фасада становится местом встречи, хотя ее не проектировали как таковую. В этих фрагментах город и возникает – не как результат реализации, а как резонанс разных способов быть в нем.

Поэтому мы не рассматриваем проектную и повседневную логику как взаимно исключаящие. Напротив, их соотнесение – это и есть условие городской жизни: сложной, конфликтостойкой, уязвимой, но все же возможной. И именно в Арктике, где несоразмерность между формой и телом, между проектом и средой особенно велика, становится видно, как много город требует не от бумаги, а от тела и как важно проектному знанию научиться не только представлять город, но и слышать его в обмороженных пальцах, в стершейся плитке, в маршрутах, которые идут в обход.

Заключение

Арктический город – это не только климатическая экстремальность, но и эпистемологический вызов. Он делает особенно видимыми напряжения, которые в других контекстах могут оставаться латентными: между проектом и проживанием, между визуальной логикой и телесной сонастройкой, между нормативной функцией и ситуативной обитаемостью. В этой статье мы рассмотрели, как в арктическом контексте сосуществуют два режима знания о городе: дисциплинарно-проектный и эмпирически-повседневный.

Анализ интервью с архитекторами показал, что архитектурное знание формируется как репрезентативная практика, стремящаяся к визуальной убедительности, нормативной отчетности и модульной воспроизводи-

мости. Комфорт в этом знании – управляемый эффект среды, воплощенный в форме, цвете, композиции. Визуальная северность здесь часто заменяет телесную адаптацию, а эстетическая логика подменяет практики обживания.

В интервью с жителями, напротив, городская среда появляется как непредсказуемая, телесно уязвимая и эмоционально нагруженная. Комфорт здесь – не следствие формы, а результат повседневного труда: двигаться, обходить, заботиться, помнить. Город проживается не как проект, а как процесс инфраструктурного, социального, климатического, телесного удержания.

Эти два режима знания не совпадают, но они и не полностью разорваны. Мы показали, как в городе возникают точки трения, обхода, сонастройки, когда проектная форма адаптируется под телесный маршрут, когда визуальное решение случайно совпадает с повседневной нуждой, когда жители начинают переосмыслять, присваивать, модифицировать пространство. Город не живет за счет соответствия, а живет за счет временной и неполной настройки между тем, что задумано, и тем, что переживается.

Методологически мы предлагаем рассматривать такие эпистемологические расхождения не как сбои реализации, а как продуктивные поля анализа. Именно в их несовпадении становится возможным увидеть город как сложный социально-технический ассамбляж. Арктический город в этом смысле не периферийный, а предельный случай, позволяющий радикализировать вопросы, которые касаются любого города: кто его знает, кто его делает, кто в нем живет, и каким знанием этот город поддерживается.

Таким образом, статья вносит вклад в поле городской антропологии, архитектурной критики и исследований инфраструктур, показывая, как телесная и проектная логики сосуществуют в условиях высокой уязвимости и политической нормализации. Мы настаиваем на необходимости включать повседневные формы знания в архитектурное мышление как источники эпистемологической устойчивости. Потому что именно они – маршруты, тела, страхи, ритуалы, привычки – делают город возможным не только в замысле, но в жизни.

Постскрипtum: что значит соучастие, когда проект и тело не встречаются?

Одним из неявных, но ключевых мотивов этой статьи стал вопрос о возможности соучастия в производстве городской среды. Мы описали, как в арктическом городе соседствуют два эпистемологических режима: проектный и повседневный. Они действуют параллельно, пересекаются, но редко вступают в диалог. Между ними различие в ритмах, в телах,

в способах легитимации знания. Архитектура репрезентирует, повседневность проживает. Проект предлагает форму, повседневность ее обходит.

В этих условиях возникает вопрос: каким может быть участие, если стороны не признают друг друга как носителей релевантного знания? Архитектор работает под нормативным давлением и временным дефицитом. Житель не верит в возможность быть услышанным. Публичные обсуждения превращаются в ритуал, визуальные презентации не предполагают обратной связи. Даже когда происходит физическое сосуществование, архитектор гуляет по городу, житель замечает новую плитку – это еще не означает встречи.

Возможно, в таких условиях соучастие – это не процедура, а переопределение форм знания. Не вовлечение как функция, а признание существования других тел, других маршрутов, других темпоральностей. Соучастие – это когда проект перестает быть автономным и становится пористым, уязвимым к вмешательству, способным к перенастройке, внимательным к отказу. Это не то, что можно гарантировать через формат, но то, что можно культивировать как режим внимания.

Мы не предлагаем новую процедуру включения горожан. Мы лишь указываем на то, что архитектурное и повседневное знания могут быть соучастны, только если признать не их иерархию, а множественность. Не переводить одно в другое, а удерживать оба как несовпадающие, но взаимозависимые формы городской сообразности.

Примечания

¹ Drive-along interview – это мобильная форма интервью, адаптированная от метода *walk-along* (совместная прогулка). В этом формате исследователь сопровождает участника во время поездки по городу на автомобиле, наблюдая и стимулируя его размышления о городской среде в процессе движения. В арктических городах весной, когда пешеходная доступность резко снижается из-за таяния снега, грязи и сезонных разрушений инфраструктуры, передвижение на машине становится наиболее удобным и комфортным способом перемещения. Такая адаптация позволяет фиксировать пространственные нарративы, чувственные впечатления и телесные переживания городской жизни в момент их актуализации.

² «Интерпретативный урбанизм» – не каноническое понятие в строгом смысле, как, например, «*assemblage urbanism*» или «*planetary urbanism*», но оно встречается в нескольких контекстах, где авторы подчеркивают качественные, гуманитарные и антропологические подходы к городу, основанные на интерпретации нарративов, значений, повседневных практик, в духе гирцевской традиции (Dovey 2010; Geertz 1973; Fariás et al. 2010).

Таблица интервью с кодами

Код интервью	Тип интервью	Гендер	Тип респондента
A1m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A2m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A3m	Интервью	Мужчина	Архитектор

Код интервью	Тип интервью	Гендер	Тип респондента
A4m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A5f	Интервью	Женщина	Архитектор
A6m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A7f	Интервью	Женщина	Архитектор
A7m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A8m	Интервью	Мужчина	Архитектор
A9m	Интервью	Мужчина	Архитектор
C1f	Интервью	Женщина	Житель
C2f	Интервью	Женщина	Житель
C3f	Интервью	Женщина	Житель
fgf	Фокус-группа	Женщины	Житель
fgf in	Неформальное интервью	Женщины	Житель
C4f	Интервью	Женщина	Житель
C5m	Интервью	Мужчина	Житель
C6f	Drive-along	Женщина	Житель
C7f	Drive-along	Женщина	Житель
C8f	Интервью	Женщина	Житель
C9m	Интервью	Мужчина	Житель

Список источников

- Волков А.Д., Симакова А.В. Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 4 (121). С. 851–881. doi: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881
- Малышев Г.Н. Концепт идентичности в современной российской архитектурно-градостроительной практике как инструмент профессиональной легитимации: этнография одного бюро // Городские исследования и практики. 2024. № 9 (4). С. 40–53. doi: 10.17323/usp94202440-53
- Мастер-план Мурманска 2023 – Проект мастер-плана развития города Мурманска // Правительство Мурманской области. 2023. URL: <https://nashsever51.ru/storage/temporary/24/03/06/156462/47cdd109-1303-48df-a944-0d4ae3334461.pdf>
- Мороз О.В. Красота по заказу: визуальная культура и новая этика благоустройства в современной России // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (132). С. 216–233. doi: 10.17323/2071-160X-2019-6-216-233
- Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» (утв. Президиумом, протокол № 10 от 21 ноября 2016 г.). М., 2016.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в Новый Уренгой и Тарко-Сале, май 2024 (см. таблицу интервью).
- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года (утверждена Указом Президента № 645 от 26 октября 2020 г.).
- Третьякова А.А. Антропология крафтового архитектурного бюро: как идеи превращаются в проекты // Городские исследования и практики. 2024. № 9 (4). С. 22–39. doi: 10.17323/usp94202422-39
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Bolotova A. Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North: PhD diss. University of Lapland, 2014.
- Collier S., Ong A. Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.

- Cuff D. *Architecture: The Story of Practice*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- de Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Dovey K. *Becoming Places: Urbanism / Architecture / Identity / Power*. London: Routledge, 2010.
- Farias I., Bender T. (eds.). *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*. London: Routledge, 2010.
- Fröhlich C. Urban Citizenship under Post-Soviet Conditions: Grassroots Struggles of Residents in Contemporary Moscow // *Journal of urban affairs*. 2020. Vol. 42 (2). P. 188–202.
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973.
- Gunko M., Zupan D., Riabova L., Zaika Y., Medvedev A. From policy mobility to top-down policy transfer: 'Comfortization' of Russian cities beyond neoliberal rationality // *EPC: Politics and Space*. 2022. Vol. 40 (6). P. 1382–1400.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14 (3). P. 575–599.
- Jasanoff S. *Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States*. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Kruse J. et al. Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA) // *Barometers of Quality of Life Around the Globe*. Social Indicators Research Series, vol 33 / eds. by V. Möller, D. Huschka, A.C. Michalos. Springer, Dordrecht, 2008. doi: 10.1007/978-1-4020-8686-1_5
- Lefebvre H. *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic, 2004.
- Schön D.A. *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. New York: Basic Books, 1983.
- Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Simone A. People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // *Public Culture*. 2004. Vol. 16 (3). P. 407–429.
- Yaneva A. Making the Social Hold: Towards an Actor-Network Theory of Design // *Design and Culture*. 2009. Vol. 1 (3). P. 273–288.

References

- Bolotova, A. (2014) *Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North*. PhD diss., University of Lapland.
- Collier, S., Ong A. (2005) *Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Cuff, D. (1992) *Architecture: The Story of Practice*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Dovey, K. (2010) *Becoming Places: Urbanism / Architecture / Identity / Power*. London: Routledge.
- Farias, I., and T. Bender, eds. (2010) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*. London: Routledge.
- Foucault, M. (1996) *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Knowledge: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Translated from French. Moscow: Kastal'.
- Fröhlich C. (2020) Urban Citizenship under Post-Soviet Conditions: Grassroots Struggles of Residents in Contemporary Moscow, *Journal of urban affairs*, 42 (2), pp. 188–202.
- Geertz, C. (1973) *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books.
- Gunko, M., D. Zupan, L. Riabova, Y. Zaika, and A. Medvedev (2022) From policy mobility to top-down policy transfer: 'Comfortization' of Russian cities beyond neoliberal rationality. *EPC: Politics and Space*, 40 (6), pp. 1382–1400.
- Haraway, D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies*, 14 (3), pp. 575–599.
- Jasanoff, S. (2005) *Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States*. Princeton: Princeton University Press.

- Kruse, J. et al. (2008) Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). In: Møller, V., Huschka, D., Michalos, A.C. (eds) *Barometers of Quality of Life Around the Globe*. Social Indicators Research Series, vol. 33. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8686-1_5
- Lefebvre, H. (2004) *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic.
- Malyshev G.N. (2024). The Concept of Identity as a Tool for Professional Legitimation in Architectural and Urban Planning Practice: A One Company Ethnography. *Urban Studies and Practices*, 9(4), pp. 40–53. <https://doi.org/10.17323/usp94202440-53>
- Master-plan Murmansk 2023 – Проект master-plana razvitiia goroda Murmansk [Draft Master Plan for the Development of the City of Murmansk]. Government of Murmansk Region, 2023. Available at: <https://nashsever51.ru/storage/temporary/24/03/06/156462/47cdd109-1303-48df-a944-0d4ae3334461.pdf>
- Moroz, O.V. (2019) *Krasota po zakazu: vizual'naia kul'tura i novaia etika blagoustroistva v sovremennoi Rossii* [Commissioned Beauty: Visual Culture and the New Ethics of Urban Improvement in Contemporary Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, 6 (132), pp. 216–233. <https://doi.org/10.17323/2071-160X-2019-6-216-233>
- Pasport proekta... 2016 – Sovet pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskomu razvitiu i prioritnym proektam. Pasport prioritnogo proekta «Formirovanie komfortnoi gorodskoi sredy» (utverzhen Prezidiumom, protokol № 10 ot 21 noiabria 2016 g.) [Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects. Passport of the Priority Project “Formation of a Comfortable Urban Environment” (approved by the Presidium, Protocol No. 10 of 21 November 2016)]. Moscow.
- PMA – Author’s field materials. Expedition to Novy Urengoy and Tarko-Sale, May 2024 (Appendix 1)
- Schön, D.A. (1983) *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. New York: Basic Books.
- Scott, J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Simone, A. (2004) People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg. *Public Culture*, 16 (3), pp. 407–429.
- Strategiia razvitiia...2020 – Strategiia razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespecheniia natsional'noi bezopasnosti do 2035 goda (utverzhdена Ukazom Prezidenta № 645 ot 26 oktiabria 2020 g.) [Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security until 2035 (approved by Presidential Decree No. 645 of 26 October 2020)].
- Tretyakova A.A. (2024). An Anthropology of a Craft Architectural Company: How Ideas Turn into Projects. *Urban Studies and Practices*, 9(4), pp. 22–39. <https://doi.org/10.17323/usp94202422-39>
- Volkov, A.D., Simakova A.V. (2022) *Arkticheskii monogorod: vospriiatie naseleniem svoego budushchego v perspektivakh ego razvitiia* [The Arctic Single-Industry Town: How Residents Perceive Its Development Prospects]. *Regionologiya*, 30 (4), pp. 851–881. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>
- Yaneva, A. (2009) Making the Social Hold: Towards an Actor-Network Theory of Design. *Design and Culture*, 1 (3), pp. 273–288.

Сведения об авторах:

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: olgavust@gmail.com

ПРОКОПОВА Софья Михайловна – младший научный сотрудник, проектно-исследовательская лаборатория арктического дизайна, Уральский федеральный

университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
E-mail: Sofiaprokopova@gmail.com

КРАВЧУК Светлана Геннадьевна – кандидат искусствоведения, заведующая проектно-исследовательской лабораторией арктического дизайна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: svetlana_usenyuk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga V. Ustyuzhantseva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgavust@gmail.com

Sofia M. Prokopova, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Sofiaprokopova@gmail.com

Svetlana G. Kravchuk, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: svetlana_usenyuk@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 мая 2025;
принята к публикации 8 августа 2025.*

*The article was submitted 14.05.2025;
accepted for publication 08.08.2025.*